

Атмосфера в гробу вмиг стала тяжелой.

Ци Уюань почувствовал, как по спине пробежала пронзительная волна боли: невидимые пальцы коснулись его раны сквозь бинты, намеренно и жестоко надавив на неё несколько раз. Юноша оказался заперт в тесном пространстве, отданный на милость Чэнь Е, который неприкрыто источал злобу.

— Как ты догадался, что это я? — спросил Чэнь Е, продолжая с силой терзать рану, пока свежая кровь вновь не пропитала повязку.

На белом лбу пленника выступил холодный пот. Несмотря на мучительную боль, его лицо осталось бесстрастным.

— Единственный золотой гроб, — ответил он ровным голосом. — Его трудно не заметить.

[Что стример имел в виду под «золотым гробом»?]

[Есть ли какая-то разница в цвете гробов?]

Игроки больше всего не любили попадать в подземелья, относящиеся к Зоне китайских ужасов. С точки зрения запретов и примет такие миры были куда сложнее остальных. В них существовало бесконечное множество тонкостей и правил, которые необходимо было соблюдать. Обычные игроки, не обладающие глубокими познаниями в метафизике, легко совершали фатальные ошибки, пренебрегая местными суевериями.

Один из зрителей поспешил дать пояснение в чате:

[У каждого цвета гроба своё значение. Черный — самый распространенный и универсальный, в нем хоронят большинство людей. Белый предназначен для детей, умерших в раннем возрасте. Красный используют для «счастливых похорон» — когда умирает глубокий старик, проживший долгую жизнь. А простые, неокрашенные гробы из дерева часто выбирают для пожилых членов семьи. Но золотой... В древности этот цвет был привилегией императоров и высшей знати. Позже традиция изменилась, и в золотых гробах стали хоронить лишь очень богатых или влиятельных особ. Современные люди редко следуют этим правилам, предпочитая классический черный вариант.]

Прочитав объяснение, зрители оживились:

[Так семья стримера, получается, торгует гробами? Откуда он всё это знает?]

[А я всегда думал, что гробы бывают только черными. Век живи — век учись.]

[+1 к знаниям.]

Услышав ответ Ци Уюаня, Чэнь Е не сдержал короткого смешка:

— А ты, оказывается, осведомлен.

Тот не уловил в его интонации издевки, поэтому счел это за похвалу.

— Случайно нашел дома несколько книг на эту тему, вот и почитал на досуге.

Он стойчески терпел дискомфорт от прикосновений к ране.

— Ты больше не злишься?

Ци Уюань прекрасно помнил, как только что сорвал ритуал жертвоприношения и как Чэнь Е в ярости преследовал его, едва не превратив его спину в кровавое месиво.

Внезапно черная тень, заполнявшая гроб, сгустилась, принимая облик высокого мужчины. Призрак грубо схватил юношу за подбородок, заставляя встретиться взглядом со своими алыми, пугающими глазами.

— Хватит притворяться, — прорычал он, и в его голосе сквозило раздражение.

Места внутри гроба было катастрофически мало. Двоим рослым мужчинам приходилось прижиматься друг к другу почти вплотную. Чэнь Е упирался одной рукой рядом с лицом собеседника, а другой с силой сжимал его челюсть.

— Ты уже всё понял.

Ци Уюань тихо рассмеялся:

— Верно.

Он догадался об этом в тот самый миг, когда получил последний удар в каменном зале. Горный бог, атаковавший его в ярости, не был Чэнь Е. Аура последнего была куда более холодной и чистой — это была мощь первозданного ужаса, лишенная примесей. Прямое столкновение с ней вызывало трепет на грани инстинктов.

Но сила, обрушившаяся на игрока в зале, была неоднородной; она несла в себе мириады чужих эмоций: скорбь, тоску, гнев... и глубокую усталость. Это был кто-то другой, и юноша почувствовал это различие по самому запаху энергии.

Несмотря на внешнее спокойствие, Ци Уюань внутренне напрягся. Он был готов к тому, что Чэнь Е может в любой момент убить его прямо здесь, в этом тесном ящике. Если бы это произошло, ему пришлось бы прибегнуть к силе, которую он так не хотел пробуждать...

Однако вместо удара он увидел на лице мужчины мимолетное замешательство. Исчезла недавняя яростная властность, сменившись странным любопытством. Нахмурившись, призрак спросил:

— Что ты имел в виду под словами «скрывать три, не скрывать семь»?

Юноша не ожидал, что Чэнь Е не знаком с этой приметой. Пользуясь моментом, он мельком осмотрел одежду мужчины. На этот раз на нем не было праздничного наряда жениха — тот предстал в том виде, в каком его когда-то предали земле. На нем не было традиционного погребального савана; вместо этого на мужчине был ладно скроенный черный костюм-френч — чжуншань. Белый шарф небрежно обматывал его шею, едва удерживаясь на плечах при резких движениях.

Этот облик выдавал в нем образованного человека, интеллигента прошлых лет.

Когда Чэнь Е говорил, его ледяное дыхание касалось шеи Ци Уюаня. Такая близость заставляла юношу чувствовать себя крайне неуютно. Он никогда ни с кем не сближался так сильно, за исключением игр в далеком детстве со своим единственным другом.

Заметив отсутствие реакции, мужчина ухватился рукой за крышку гроба.

— Объясняй. Или я вышвырну тебя вон.

Терпение никогда не было его сильной чертой. Костлявые пальцы с усилием толкнули массивное дерево, приоткрывая узкую щель. В то же мгновение первозданная тьма, словно приливная волна, хлынула внутрь, стремясь поглотить хрупкое человеческое существо, лишившееся защиты.

Чэнь Е, не отпуская подбородок Ци Уюаня, силой заставил его поднять голову и посмотреть в этот просвет. Тьма тонкими нитями впиалась в глаза юноши. В нахлынувшем забытьи перед ним возник образ бумажного дома высотой около метра. Работа была тончайшей: за квадратной оградой виднелся дворик, главный зал, боковые флигели — точная копия усадьбы семьи Чэнь, где справляли призрачную свадьбу.

Внутри стоял крошечный седан, в котором сидела бумажная невеста. Вокруг суетились

фигурки слуг и актеров из самодеятельной труппы. Мимо проходили люди, занятые своими делами, но никто не обращал внимания на этот изысканный макет.

В ушах Ци Уюаня зазвучал надрывный плач, перемежающийся с монотонным речитативом даоса, проводящего обряд. Неподалеку стоял ребенок лет пяти-шести. Он во все глаза смотрел на бумажный домик и, дернув спутницу за руку, спросил:

— Бабушка, а что это? Такое красивое!

Старуха, чье внимание привлек внук, миг изменилась в лице. С паническим ужасом она ударила ребенка по руке, которой тот указывал на дом.

— Не смей тыкать пальцем! На такие вещи указывать нельзя — беду накличешь!

Мальчик, испугавшись резкого окрика и боли, залился слезами.

— Тише! Будешь плакать — и бумажные человечки из домика придут за тобой ночью!

Сознание юноши поплыло. Это странное видение, промелькнувшее перед глазами, истощило его ментальные силы. Одно лишь созерцание этой сцены потребовало от него колоссального напряжения. В следующий миг мощная рука вцепилась в его шею и прижала обратно к дну гроба.

Последним, что он запомнил, были всхлипы ребенка и зловещая угроза старухи.

Чэнь Е затащил Ци Уюаня обратно и с грохотом захлопнул крышку. Юноша тяжело дышал, пытаясь прийти в себя. Голова раскалывалась от невыносимой боли, а во всем теле не осталось сил даже на то, чтобы шевельнуть пальцем. Короткий контакт с темной энергией снаружи выпил из него почти весь дух.

Его ментальное состояние балансировало на грани критической отметки. Чэнь Е намеренно заставил его увидеть то, к чему он еще не был готов! Это была мелочная месть за недавние колкости и дерзость.

«Мелочный... — в сердцах выругался про себя юноша. — Какой же он мелочный»

— Объясняй, — рука Чэнь Е на его горле так и не разжалась. Было ясно: малейшее недовольство — и экзекуция повторится.

Ци Уюань не собирался умирать так глупо. Он сделал глубокий вдох, стараясь успокоить сердце.

— Скрываться три, не скрываться семь — это древний способ уклонения от беды. Если чувствуешь, что на тебя надвигается смертельная угроза, нужно найти любое замкнутое помещение, запереться там с запасом припасов и не выходить. В это время нельзя откликаться на чужие голоса и открывать двери. Если через три дня опасность не миновала, можно продолжать прятаться.

Однако, что бы ни происходило, нельзя оставаться в затворе ровно семь дней.

— Семь — число сакральное и опасное.

Когда юноша только покинул родной дом, чтобы открыть лавку, родные, опасаясь его неопытности, первым делом научили его именно этому способу защиты.

Чэнь Е нахмурился, обдумывая сказанное.

— Так вот оно что... — он издал сухой, язвительный смешок. — Вот почему семь дней.

Обряды в Деревне Скорбящего Пленника были полной инверсией этого правила. Законы мертвых всегда противоположны законам живых. Ци Уюань не сказал этого прямо, но Чэнь Е и сам всё понял. Поход в храм Горного бога на второй день позволял избежать критического третьего дня. А в первый день пути Эрва упомянул о смерти в деревне и о том, что траур длится семь дней.

Семь дней бдения у гроба... Все знают, что седьмой день — самый важный. Семерку в этой деревне не скрывали, а значит, никакая живая энергия не могла проникнуть внутрь. Неудивительно, что здесь царил такой холод, хотя само место по законам фэншуй не было сосредоточием тьмы.

Сейчас Чэнь Е больше напоминал себя в момент смерти — он явно не знал о жутких порядках, установившихся в деревне после него.

В глазах Ци Уюаня вспыхнул багровый отсвет, который никак не желал угасать.

— Я всё объяснил. Теперь ты можешь убрать руку? — он указал на свою шею, где уже начали проступать багровые следы.

Мужчина опустил взгляд и на мгновение замер, замороженный контрастом бледной кожи и ярких кровоподтеков, оставленных его пальцами. Видя, что пленник честно ответил на вопрос, он помрачнел.

— Хорошо.

Но стоило ему ослабить хватку, как Ци Уюань резким движением оттолкнул крышку гроба.

— Наш союз теперь под большим вопросом. Прощай!

Он давно не позволял так над собой измываться — ни людям, ни призракам. В его душе кипела холодная ярость. Отношение Чэнь Е могло быть скверным, а манеры — грубыми, но он едва не лишил его жизни. Юноша отчетливо почувствовал подлинную жажду крови.

Раз призрак и впрямь хотел его убить — что ж, тем лучше. Он уходит. Даже если уровень ООС взлетит до небес, он не останется здесь ни секундой дольше.

[Степень разрушения образа: 24%]

Ожидаемо выросла. Но Ци Уюаню было плевать. Он бросил последний взгляд на золотой гроб, уже прикидывая в уме, как поквитается с этим существом в следующий раз. Чэнь Е на мгновение опешил от такой стремительности, но тут же крикнул вслед:

— Стой!

Снаружи всё было заполнено ядовитыми испарениями. Преобразование горы еще не завершилось. Даже если юноша выберется, ему придется провести в этой удушливой мгле больше двадцати минут, прежде чем некрополь переместится к подножию. Двадцать минут в такой концентрации шацци — это верная смерть.

Но прежде чем Чэнь Е успел что-либо предпринять, он почувствовал, как капля его сердечной крови, отданная человеку, начала неистово гореть. У Ци Уюаня оставалось еще больше половины переданной ему иньской энергии, но Чэнь Е знал: для защиты от такого тумана расход будет колоссальным. Этого запаса хватило бы максимум на минуту — только чтобы успеть перебраться в другой гроб.

Он предпочел растратить все силы и рискнуть жизнью, лишь бы не оставаться с ним в одном гробу. Отчаянно хочет выжить и при этом идет на безумный риск.

«Противоречивый безумец»

Чэнь Е смотрел вслед юноше, исчезающему во тьме, и его улыбка становилась всё шире. Что ж, он всегда любил безумцев.